

Лихо

Комплект из 3 книг
Яны Лехчиной

Яна Лехчина
Лихо. Комплект из 3
книг Яны Лехчиной
Серия «Young Adult.
Книжный бунт. Новые сказки»
Серия «Лихо»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73975962
ISBN 978-5-04-246510-9*

Аннотация

Комплект из 3 книг – платите меньше, читайте больше!

В состав входят: «Лихо. Медь и мёд», «Лихо. Двенадцать железных цепей», «Игла из серебра».

Комплектом выгоднее, чем покупать книги по отдельности.
«Лихо. Медь и мёд».

В северных лесах появилось лихо – получеловек-полуволок, созданный неизвестным колдуном. Народ напуган, а между чародеями зреет раздор: каждый стремится уличить другого в использовании запретных сил.

Колдунья Ольжана оставила один чародейский двор, чтобы примкнуть к другому, и это обернулось для нее бедой. Теперь

чудовище идет по ее следу. Ольжана спасается в кибитке лекаря из ордена охотников на ведьм – вместе они пересекают страну, надеясь уйти от погони.

Улочки стольных городов, оживленные базары, глухие деревни... Чародеи спорят, а лихо рыскает по болотам и туманным полям. Ольжана понимает, что ей не скрыться от чудовища – и что тот, кто его сотворил, желал лишь одного: посеять смуту.

Первая книга трилогии, открывающая мир темного славянского фэнтези.

«Лихо. Двенадцать железных цепей».

Когда-то молодой лекарь раскрыл ведьму, наславшую чуму на восточный город. Ведьму заковали и сожгли, и сейчас, много лет спустя, железные цепи звенят как вестники иного суда – чародейского.

Вольные господства в шаге от большой распри. Лихо следует за Ольжаной по пятам, и убегать от него становится всё тяжелее – но Ольжана знает, что никто не спасёт её, кроме неё самой, поэтому продолжает путь. А человек, создавший чудовище, теперь не уверен, кто он в этой погоне – хищник или жертва: слишком сложно оставаться в тени, когда вспыхивает вся страна.

Вторая часть трилогии «Лихо» – славянского фэнтези с тёмным колоритом от автора популярных фэнтези-романов «Год Змея» и «Змеиное гнездо» Яны Лехчиной.

«Лихо. Игла из серебра».

Чародей, чья смерть заключена в серебряную иглу, обучает колдовству молодую ведьму. Он знает: когда его разоблачат, он лишится и любви, и головы. А пока это не произошло, продолжает

плести паутину мести, чтобы уничтожить давнего врага, – хотя понимает, что зашёл слишком далеко.

Ведьма спасается от чудовища и боится, что не выдержит, если его создателем окажется близкий ей человек. Но иногда девы оказываются смелее, чем думают. И порой они побеждают чернокнижников не жестокостью или силой, а лишь вовремя задав вопрос: «Где ты прячешь свою смерть?»

Долгожданный финал трилогии «Лихо» Яны Лехчиной! История о столкновении со страхом, расплате, нежности и круговороте мести.

*Цена комплекта рассчитана исходя из базовых цен. Во время акционных предложений цена отдельных книг может меняться.

Содержание

Лихо. Медь и мёд	7
Пролог	9
Глава I. Терем в чаще	16
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Яна Лехчина
Лихо. Комплект из 3
книг Яны Лехчиной

Лихо. Медь и мёд

© Лехчина Я., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Не буди лихо, пока оно тихо.

Русская пословица

Пролог

Догорела одна из лучин, и в землянке стало ещё темнее, чем было.

Раздался тихий вздох – нет, мол, так никуда не годится. Не хватало ещё ворожить, подслеповато щурясь.

Пальцы нашарили другую лучину. Подожгли её, вставили в светец, но перед этим поднесли огонёк к лицу мужчины. Это был молодой дружинник из Стоегоста. Веки его дрогнули, но не поднялись – хорошо, значит, чары одурманили на славу.

Лицо дружинника до сих пор выглядело растерянным и хмурым. Оно было красиво, это лицо, – совестно портить то, над чем корпела природа, но что поделать? Легче было бы работать над тем, кто, ударившись в разгул, давно утратил человеческий облик, но такого ещё попробуй найди. Да не простого, а с раскрытой душой – чтобы проще распары-

вать. Не срослось. Как получилось, так получилось. Что теперь размышлять?

Рука метнулась выше, и лучина осветила стол целиком. Пожалуй, затащить сюда дружинника оказалось сложнейшим из всех дел. Стоегостский господарь не держал при себе хлипких юношей, а жаль – сослужил бы добрую службу тем, кто подыскивал себе жертву для тёмной ворожбы.

Снова – вздох.

Ах, ворожба.

Скажешь «Вольные господарства», и люди представят себе соборы и терема, пёстрые базары и разудалых воинов, что борются на поясах в ярмарочный день, – подходите ближе, румяные зеваки, да полюбуйтесь, каких силачей рождает эта страна!.. Люди вспомнят о хитрых бравых господарях, которые то воюют с соседями, то сватают за них своих дочерей. Вспомнят и об их господарынях: пока одна кротко прячется в глубине расписных хоромин, другая подаёт послам чаши с ядом.

Все знают, что Вольные господарства – богатые, дикие земли. Их леса раскидисты. Их реки полноводны. Их полям не видать конца и края – чёрная почва благодатна для любых семян, но лучше прочего здесь всходят семена колдовства.

По лицу дружинника скользнула полоска света. Огонёк перекинулся с лучины на маковку восковой свечи. Одна свеча, вторая: фитили распускались колыхающимися цветами, совсем как в златоглавых соборах.

Это становилось почти смешно. Нет уж, сейчас не до соборов, и думать хотелось совсем не о них, а о колдовском ремесле.

Если скажешь «колдуны Вольных господарств», люди – и чужаки, и сами господарцы – скорее переиначат сплетни о чародейских дворах пана Авро и госпожи Кажимеры, словно и нет других дворов. Охотно расскажут о тысячеликом старике, который учит своих подопечных менять внешность, точно одежды, и вспомнят о женщине, в чьём тереме живёт множество чародеек-птиц – эти девушки распутывают ниточки человеческого разума и ловко свивают их заново. Они играют чувствами и воспоминаниями так же, как двор пана Авро – телами. Но эта волшба – для дворцовой борьбы и шёлкового наушничества, а Вольные господарства – больше, чем стольные города.

Не правда ли, *дружинник*?

Скрипнул стул. На стол поменьше высыпались ножи и иглы, причудливые щипцы и исписанные листы пергамента и жёлтой бумаги. На одних виднелись только крючковые буквы, на других – ещё и чернильные рисунки. Это было грозное существо – получеловек-полуволок, нарисованный с одного бока и другого, по грудь и в полный рост.

Волчьи шкуры лежали тут же, на полу. А рядом – череп, скалящийся пустой хищной пастью.

Это была славная задумка: страх неведомого зверья у господарцев в крови. Узнаешь, где оно рыскает, если выглянешь

за городские стены и посмотришь на север – туда, где туманные боры и бездонные реки. Здесь между соседними деревнями – долгие, долгие вёрсты да перекошенные избы, огороженные частоколом. На дверях – охранительные знаки, ибо никогда не знаешь, кто попросится на твой порог. Живой или мёртвый? А может, то принесло чародеев из лесных чертогов?

Все в государствах суеверны, но никто не блюдёт древние обычаи ревностнее, чем жители далёких селений. Они-то знают – промашка дорого обойдётся. Так и следуют старым заветам: не ходи проверять, если ночью услышишь, как кто-то скребётся в твои ворота. Не купайся в цветущем озере. Не позволяй человеку, которому не доверяешь так же, как самому себе, увести тебя в чащу – даже если твой проводник выглядит безобидным.

Или *особенно*, если твой проводник выглядит безобидным. Из тех, что дружинников на стол играючи не закидывают.

Уголок рта оттянулся, насмешливо прищёлкнул: да уж, этому воину следовало быть осмотнительнее! Если он и покидал родной Стоегост, то наверняка по поручению своего господаря – собирать дань и умирять непокорных. Едва ли няньки пели ему о зимних ночах и волках-оборотнях, воющих на белую луну. Скорее баяли о ратных подвигах, но где они сейчас, эти подвиги? Помогут ли дружиннику его кинжал или лук? Выручат ли крепкие кулаки?

Не помогут. Не выручат. Потому что в этих землях есть сила куда страшнее.

Стул заскрипел снова – довольно расслаиваться. На стену, медовую в отблеске свечей, легла тень.

Руки ощупали скулы, челюсть и подбородок – крепки ли у дружинника кости, толста ли кожа? Перед тем как начать, следовало оценить гибкость суставов, измерить частоту дыхания и сердечного стука... А потом – стянуть с тела одежду и обтереть его тряпицей, смоченной в крепкой настойке.

Тень на стене удлинилась, сгорбилась.

Пальцы продолжили скользящий бег, но теперь под подушечками заклубилась чёрная волшба. Прикосновения оставляли на дружиннике следы, похожие на сажевые росчерки. Метки на лице и шее, животе и рёбрах, конечностях – словно портной подготавливал ткань к раскрою.

Из инструментов на столе выбрать тонкий нож, прокалить его над свечным огнём... Лезвие не успело проложить первую линию вдоль грудины, когда дружинник встрепенулся и приподнял веки. Глаза его были шалыми, невидящими.

Зрачки тревожно забегали и с трудом остановились на чужом лице.

– Ты? – Дружинник облизнул губы. Ему не было больно, только страшно. – Что... где...

В глазах – ни единой целой мысли.

– Всё хорошо. – Голос успокаивающий и почти ласковый, будто дружинника не удерживали здесь силой. – Не тревожь-

ся.

Рука подхватила чистую тряпицу и промокнула начатый разрез.

Дружинник мотнул головой, но не сумел завершить движение – на него с новой силой навалилась дурманная колдовская тяжесть.

– Отпусти, – прохрипел только. – Пожалуйста.

– Обязательно отпущу. – Это даже не ложь, а изящная полуправда. – Чуть позже.

Взгляд дружинника снова дёрнулся, остекленел. Слепо скользнул по заколоченному оконцу и низенькому потолку.

– Сейчас, – повторил упрямо. Волшба не оставила в нём ярости, и по его щеке, едва не смазав росчерк, скользнула бессильная злая слеза.

В этот раз ему не ответили – чары окрепли, и дружинник вновь провалился в сон. А тонкий нож продолжил своё дело – сместился и замер над дружинниковым сердцем. Оно билось ровно, но медленно, и сквозило от него грубым чародейством: точно хотели осторожно поддеть жилку, но вместо острого инструмента использовали тупой – вот и пробили, расковыряли... Обыкновенно ученицам госпожи Кажимеры ничего не стоило приворожить такого молодого воина, как этот, но, видно, над беднягой орудовала совсем неумелая девица. Вот и истаскала душу так, что теперь та сама расслаивалась и отходила от тела, как переваренное мясо – от костей. Удобное сырьё для ворожбы, ничего не скажешь. Режь

и шей как вздумается.

Вот и оставалось резать и шить – кожу и связки, жилы и мышцы... Отчаяние и жажду мести. Переворачивать, поло-совать и накладывать ровные стежки. Сплавлять человеческое тело с чёрными дымными чарами и приваривать его к волчьим шкурам. Крошить душу и лепить из неё новую, по-измученнее.

Свечи таяли и капали воском. Тень на стене то устало рас-прямлялась, то сутулилась ещё сильнее.

В корыто на полу падали намокшие тряпицы и иглы с за-тупленными ножами: кровь на них была уже не красная, а вязко-чёрная, словно смола. Такая принадлежала не челове-ку и не зверю – чудовищу.

Обе руки были заняты. Правая шила, левая придержива-ла края раны – оттого упавшую прядь волос пришлось уби-рать неловко, движением предплечья. Но лоб взмок, и прядь никак не убиралась.

Тяжело, конечно, но лишь потому, что долго – наверня-ка займёт не один день. Работа эта была кропотливая, тре-бующая сноровки и особой внимательности, а что о колдов-стве... Если умение ляжет на характер – нет, совсем не тяже-ло. Напротив, не сыскалось бы дела легче, чем превращать человека в чудовище.

Иногда для этого даже не требовалось плести чары.

Глава I. Терем в чаще

Тук-тук-тук.

Сердце билось громко и горячо – того гляди и лопнет.

Грудь пылала, а язык присыхал к небу. По ногам хлестала холодная трава. Руки с трудом удерживали ребёнка: Ясек был мал, но здоров и тяжёл, так тяжёл, что Ольжана не знала, сумеет ли его донести, – а над полем неумолимо вста-

вало солнце.

Хрусть. Хр-русть.

Земля замёрзла за ночь, и теперь под подошвами ломалась ледяная корка. Ольжана бежала на восток, и у неё рябило в глазах от розовых и рыжих полос. Всё виделось в розовом и рыжем: заиндевелившая трава, светлеющее небо и холм, на котором стояла родная деревня.

Только лес, оставшийся за их с братом спинами, был чёрным.

Ольжана оглянулась — над деревьями с граем кружили птицы. В их деревне говорили: никогда не знаешь, какое животное в Чернолесье взаправду животное, а не ученик колдуна, живущего в чаще.

Превеликие Персты! Или Тайные Люди, Ольжана не знала, к кому ей взывать. У неё кололо в боку, а на глаза наворачивались слёзы. Колдун из леса сказал: если Ольжана не успеет вернуть брата домой до рассвета, то он его заберёт, — а солнце вставало так быстро...

Ольжана споткнулась и покатила к кубарем по траве. Ясек выскользнул из её хватки, но не заревел, только захныкал — недаром колдун сморил его чарами.

В голове зазвенело. Мир стал расплывчатым, и мгновение Ольжана не понимала, где верх, а где низ. Подтянув к себе брата, она взбрыкнула ногами и попыталась встать — ничего не вышло. Ольжана промучилась всю ночь, надеясь выбраться из леса, а сейчас, когда уже видела свою деревню,

понимала, что у неё не осталось сил.

Конечно, всё это было неспроста. Ольжана не понравилась колдуну, назвавшемуся ей Йоваром, хозяином Чернолесья. Он хотел поизмываться над ней и сделать всё, чтобы в его тереме остался Ясек, а не она. «Твой брат, – говорил он ей, – окажется полезнее, чем ты». Ольжану, по словам колдуна, будет трудно обучить, она слишком взрослая – тринадцать лет, а зимой – уже четырнадцать. К тому же она девка, а с девками – тут он сплюнул – всегда много хлопот. Если уж можно выбирать, то кому нужны слуги, с которыми полно мороки?..

«Не на меня злись, – хмыкал Йовар, – а на своего папашу. В следующий раз неповадно будет врываться в мои владения».

А толку злиться?

Ольжана стиснула зубы, перехватила Ясека и поднялась на ноги одним неуклюжим рывком. Ей было до тошноты жарко – хотя здесь, на севере, не стоило бегать осенним утром в простом сарафане. Но ещё в лесу Ольжана стянула свою душегрею и обернула ею брата, чтобы тот не замёрз.

– Нам недалеко осталось. – Она торопилась, неловко подволакивая ногу. – Слышишь?

Ясек, наверное, не слышал, лишь морищился в чародейском сне.

– Чуть-чуть совсем. – Ольжане не хватало воздуха, но ей казалось, что если она замолчит, то развалится на части.

Чтоб его, колдуна! Он сам предложил отцу Ольжаны: если у того есть другие дети, пусть любой из них придёт и займёт место этого младенца. Видно, Йовар надеялся на кого угодно, только не на мягкотелую купеческую дочку – по Ольжане с первого взгляда было видно, до чего же она домашняя девочка.

Её губы были сухими и лопнули, стоило Ольжане утереть их рукавом. Она любила шитьё и сплетни и боялась не то что чёрного леса – своей тени; но это она была старшим ребёнком купца, свернувшим с большака в чащу, и это она подслушала, что отец – воротившийся без Ясека, за ночь постаревший лет на десять – рассказывал опешившей матери.

Солнце показалось наполовину. Ольжана поднималась по холму.

– Этот колдун – дурак, ты знаешь? – Она шумно дышала и смотрела перед собой стеклянным взглядом, а Ясек сопел ей в ответ. – Он решил, что я не успею и отдам тебя ему.

Она криво улыбнулась и перехватила Ясека под спину.

– Но я тебя не отдам.

** * **

Юрген даже не удивился, когда отыскал мальчишку на кухне. Где ещё отсиживаться новеньким? Чародейский терем был огромен, но никто бы не решился прятаться в чу-

жих спальнях. Во дворе же часто упражнялись старшие ученики Йовара, напускавшие на себя такой грозный вид, что Юрген сам предпочёл бы держаться от них подальше, если бы был не юношей, а маленьким несмышлёнышем, только попавшим в услужение к колдуну.

– Ну. – Юрген пригнулся, чтобы не задеть дверной проём. – Давай знакомиться.

Их кухня была маленькая – даже чересчур маленькая для избы, где жило и воспитывалось больше десятка чародеев. Здесь редко готовили, застряпню у них отвечала Букарица, и Юрген решил, что надо будет показать её мальчишке. Только не сейчас – попозже, когда тот слегка привыкнет.

Мальчик сидел за столом. Он был тощий, взлохмаченный и рыжий, уже дочиста выкупанный. Торопливо черпал кашу огромной ложкой, но, когда Юрген вошёл, поперхнулся и замер. Скосил глаза на Бойю, крутящуюся у печи, – кто это, мол? Опасный или не очень? Но Боя варила зелье и даже ухом не повела. Перекинула за спину чёрную косичку, выбившуюся из высокой причёски из кос и распущенных волос, и вытерла руки о передник – белый, как сорочье брюшко.

– Не пугайся. – Юрген устроился на скамье напротив. – Ешь.

Мальчик продолжил, но настороженно. Навскидку ему было лет восемь – Йовар обрадуется, когда вернётся. Дети легко учатся, и из восьмилетнего ребёнка можно вырастить

искусного колдуна. Йовару это важно, ученики для него – глаза и уши с тех пор, как он рассорился с другими главами чародейских дворов и потерял право выходить за пределы родного леса.

– Ну раз ты пришёл, – произнесла Бойя, измельчая травы в ступе, – забирай его и возись с ним сам. Извини, Сава, но у меня других дел полно. Понимаешь, у каждого из нас свои обязанности и раньше за желторотиками присматривала Ольжана, но что прикажешь делать, если её теперь нет? – Бойя развернулась и вскинула тонкую чёрную бровь. – Ха! Попробуй уговорить кого-нибудь заняться новенькими – у нас же тут все важные чародеи, у всех свои серьёзные чародейские дела, одни мы с Юргеном бездельники. Да, Юрген?

Тот улыбнулся. Они с Бойей были единственными, кого новенькие не боялись, – или, может, единственными, кто не хотел их шугать.

Бойя шутливо потрясла большим ножом.

– Возмутительно. К слову, Савушка, я нашла тебе ещё одежду, заberi её... Да, вон там, на скамье. Чего ты удивляешься? Посмотри на нас, мы все ходим в чёрном, синем или, ну, скажем, каком-нибудь вересковом... Можно сказать, что это негласные цвета нашего двора.

– Цвета чего? – переспросил Сава, а Юрген вздохнул.

– Я объясню. Спасибо, Бойя. – И добавил, не удержавшись: – Только *не треици*, пожалуйста, а то совсем как сорока.

Наверное, по Бойе сразу можно было понять, в кого она

превращалась – шумная и тонкокостная, любившая блестящие серебряные украшения едва ли не больше, чем Ольга-на.

– Хорошо, не буду. – Бойя сощурилась. – Ну тогда ты уж рассказывай, не отмалчивайся. Правда ведь: не бойся собаки брехливой, а бойся молчаливой.

Ответ был засчитан.

Юрген перевёл взгляд на мальчишку. Теперь Сава облизывал ложку и поглядывал из-под бровей иначе – не испуганно, а с любопытством. Великое ли дело – рассказать ему обо всём!.. Но Юрген смешался, внезапно понял, что не знает, с чего начать. Помедлил, прочистил горло и мысленно признал: да уж, Ольжана знакомилась с детьми куда непри-
нуждённое.

– Что ж, Сава... – пробормотал он. – Ты слышал, меня зовут Юрген. Я один из учеников Йовара.

– Он его любимчик, – бросила Бойя через плечо. – О, не бойся, я не говорю так Хранко. Ах уж эти выросшие мальчишки, Сава, вечно соперничают!..

Юрген удивился и хотел было ответить, что делить им нечего, но промолчал. Подумал: неужели Хранко рассказал Бойе что-то, заставившее её подумать об их *соперничестве*?

– Не слушай её. Мы живём дружно. – Юрген почесал нос. – По большей части. А теперь скажи, что ты уже знаешь? Сава заёрзал на лавке.

– Это изба лесного колдуна. Когда он вернётся, то возьмёт

с меня клятву. Я буду служить ему восемь лет, а взамен он станет обучать меня всякому ведовству. И кормить меня будет, и держать в тепле. Но это если я ему понравлюсь. А если не понравлюсь, он меня сожрёт.

Бояя криво усмехнулась. Юрген закатил глаза.

– Последнее – кто сказал?

Сава раскинул руки:

– Парень. Высокий такой. И широкий.

– Это Якоб, – произнесла Бояя, кружа над своим варевом.

Ненадолго обернулась: – Познакомьтесь ещё. Ну, Юрген, перестань играть желваками, что с Якоба взять? Не первый год его знаешь. Нет, Савушка, никто тебя есть не будет. Разве что я сейчас в зелье закину, если слабоватое выйдет...

Шутки Бойи не казались угрожающими, и Сава только фыркнул. Но Юргену всё равно стало за него обидно: ясно ведь, что мальчишка – беспризорник и, как и многие другие, отправился в эту избу в надежде, что здесь ему дадут пропитание и приют. Нашёл Якоб кого запугивать.

– Никто не сделает тебе дурного, – сказал Юрген. – Но ты должен понимать, что клятва есть клятва. Слово, данное колдуну, нельзя нарушить. Если надеешься обхитрить кого-то из нас, лучше сразу уходи, иначе добра не сыщешь. То, что прикажет Йовар, надо исполнять беспрекословно: скажет учить – будешь учить. Скажет бежать или лететь через лес – будешь бежать или лететь. Служба у него суровая, а лентяев он не терпит. Но если согласишься, то постигнешь

чародейскую науку и станешь как мы. Тебе есть куда возвращаться, Сава?

Тот махнул головой.

– Мамка недавно померла. Батя ушёл на заработки в Борович, только от него много лет ни слуху. – Ковырнул столешницу грязным ногтем. – Я с тёткой жил. У неё своих детей полно, она едва меня терпела. Прошлый год вышел совсем голодным, и тётка как с цепи сорвалась. Колотить принялась больнее, чем обычно, ну я и дал дёру.

Почти все ученики Йовара выросли из детей, которым некуда было податься, – голод казался им страшнее неведомого колдовства. Только Ольжана родилась в богатой семье: её отец был зажиточным купцом из местечка под Боровичем. В год, когда она пришла, Йовару настолько не хватало учеников, что он заставил купца свернуть с дороги в лес – а потом наигранно рассердился и потребовал плату ребёнком.

Эх, Ольжана-Ольжана.

Сава заглянул Юргену в лицо.

– Я лениться не буду. Тётка говорила, что я ленивый, но это неправда. – Помедлил, начал осторожно: – Господин колдун, вот ты сказал: «Скажет лететь через лес». Меня научат летать?

Глаза – восторженные и большие, как позеленевший от времени тяжёлый господарский медяк.

Юрген хмыкнул.

– Господин колдун! – повторил эхом. – Не вздумай так

назвать Йовара, озверееет. И к нам обращайся только по именам.

Он поднялся, докинул мальчишке ещё каши, а горшок предусмотрительно отставил подальше от печи – Бойя бросала корни в свой котелок, и брызги летели во все стороны.

– Нас зовут перекидышами или перевёртышами. – Юрген снова сел напротив. – Иначе – чародеями-оборотнями. Первое, чему учится каждый из нас, – обращаться в животное. Это может быть зверь, рыба или птица, насекомое или пресмыкающееся – словом, всё что угодно, но всегда одно и то же. Оборотничья форма способна многое рассказать о нраве чародея, но кто ты, узнаешь, только когда впервые перекинешься. И если обратишься в птицу, конечно, сможешь летать – как Бойя-сорока.

Сава так и не донёс ложку до рта.

– Превеликие Длани!

Бойя засмеялась и сказала ласково, с жалящей хитрецей:

– Оставь своих Дланей за порогом, Савушка. Мы тут чтим духов и Тайных Людей.

– Обыкновенно, – продолжал Юрген, – чародей впервые перекидывается через год учёбы.

– Ольжана перекинулась только спустя три, – напомнила Бойя, помешивая зелье веточкой шиповника. – Йовар ей за этот срок чуть всю душу не вытравил. Но Ольжана была старше – не помню, чтобы сюда ещё приходили подростки... А ты, Юрген?

– Помню, – отозвался неохотно.

– Понимаешь, – начала Бойя, – Юрген застал больше учеников, чем я. Когда заканчивается срок службы, не все покидают Йовара. Если чародей преуспел в волшбе, отчего бы ему не остаться? Мы продолжаем постигать колдовство, уже не связанные никакими клятвами, как свободные люди. Я при Йоваре тринадцать лет. Хранко – сердце моё – семнадцать. Юрген младше нас, но живёт здесь дольше всех.

– Сколько? – спросил Сава с набитым ртом.

Юрген догадывался, что считать он не умеет, но покорно ответил:

– Двадцать.

Сава нахмурил жиденькие рыжие брови.

– А лет тебе сколько?

– Двадцать, – повторил Юрген, чувствуя себя бараном. – Это ничего не значит.

– Не скромничай, – усмехнулась Бойя. – Колдуны не любят брать себе в обучение младенцев, кому охота с ними нянчиться? Поэтому Юрген исключителен. Он говорит: «Чародей впервые перекидывается через год», но попробуй спросить его, когда он впервые перекинулся сам, не вспомнит – так был мал.

– Ну хватит. – Юргену это не нравилось. Будто Хранко поддразнивал его через Бойю.

Сава подпёр щеку ладонью.

– В кого ты обращаешься?

– В собаку. – Вздыхнул с облегчением: сменили тему. – В большого чёрного пса. Якоб, которого ты видел, – в вепря. Хранко, жених Бойи, перекидывается в ворона, а Йовар, как хозяин леса, конечно же, в медведя. Тоже чёрного – да, многие из нас превращаются в чёрных животных.

Сава поскрёб ложкой о дно тарелки:

– А Ольжана, про которую вы говорили?

Во рту у Юргена стало горько.

– В малиновку, – ответила Бойя вместо него. – Перистый шарик с оранжевой грудкой. Мы должны были заметить, как сильно она отличается от чародеев нашего двора, но отчего-то не заметили.

Лгунья. Бойя была подругой Ольжаны, и уж кто-кто, а она наверняка многое знала и подмечала.

– Что с ней стало? – нахмурился Сава. – Её убили?

– Нет, – быстро произнёс Юрген. – Срок её клятвы истёк, и она ушла. Вот и всё.

Конечно, никакое не «вот и всё» – то, куда Ольжана ушла, поразило их всех, и Юргена – едва ли не больше остальных. Ольжана была ему как родная сестра.

Бойя переставила котелок в печь и, поймав взгляд Юргена, сверкнула белыми зубами.

– Расскажи ему, – предложила она. – Пусть знает.

Ладно уж. Пусть.

Юрген встал и пошарил по столам вдоль стен – на кухне валялась тьма чужих безделиц. Наконец он нашёл среди ве-

щей Бойи узловатую веточку и огарок свечи и выложил их перед Савой вместе с камешком и затёртой пуговицей. Для наглядности.

– В Вольных господарствах, – сказал он, – есть четыре чародейских двора. Раньше был пятый, но теперь он уничтожен. Дворы как мастерские, и у каждой из них свой подход к волшебю. Во главе дворов стоят искуснейшие чародеи, объединившиеся друг с другом в совет, названный Драга Ложа.

– Совет. – Бойя закатила глаза. – Чародеи Драга Ложи давно друг с другом не советуются. Йовар вообще с ними в великой ссоре – они запретили ему выходить за границы его владений.

– Так вот, – продолжал Юрген, указывая на ветку; Сава следил за его пальцем и не дышал. – Это мы, Дикий двор. Не знаю, кто придумал название – может, сам Йовар, чтобы посмеяться над тем, что нас считают дикарями. Мы живём в Чернолесье и черпаем силы из природы. Подчиняем себе реки, и деревья, и землю, и свет солнца и звёзд.

Юрген постучал по камешку.

– Это – Горный двор. Его ещё зовут Горестным, потому что у них вечно кто-то о чём-нибудь да скорбит. Им правит господин Грацек – кажется, единственный из чародеев Драга Ложи, которого Йовар хоть сколько-нибудь выносит. Колдуны Горного двора обитают в замке, высеченном прямо в скале, и ворожат над драгоценными камнями, металлами и огнём.

Вряд ли Сава считал, что он всерьёз. Может, принимал за красивую сказку, но не перебивал.

Юрген приподнял свечной огарок и царапнул ногтем по воску.

– Во главе Двора Лиц стоит пан Авро, хитрый, как тысяча лисиц. Он и его ученики не только перекидываются в животных – они знают, как сменить одно человеческое тело на другое. Я слышал, они способны вылепить себе любое обличье. Ну а это, – Юрген пододвинул к Саве пуговицу, – пусть будет Звонящий двор. Двор госпожи Кажимеры и её учениц – она берёт к себе только девушек, перевёртывающихся в птиц. Госпожа Кажимера – злейший враг Йовара и могущественная колдунья, способная управлять человеческими чувствами и волей. Как и пан Авро, она не прячет свой двор от обычных людей.

Юрген вздохнул.

– Госпожа Кажимера обитает в Стоегосте, и я знаю, что юный стоегостский господарь считает её своей главной советчицей. И это к ней ушла Ольжана, когда закончился срок её службы Йовару.

Сава поморщился.

– Так можно?

– Нет, конечно. – Лицо Юргена стало непроницаемым. – Нельзя менять один двор на другой. Вернее... Я не знаю, чтобы кто-то так делал. Йовар не всегда жаловал Ольжану, но в конце концов признал, что она – хорошая колдунья. И

предложил ей остаться у нас, ведь куда она могла пойти? Семья, может, и приняла бы её, а остальные? Если человек преуспел в чародейском ремесле, он уже не сможет жить так, как раньше. Тем более что все знания и силы – при чародейских дворах... – Юрген помотал головой. – Не знаю... Полгода прошло, а я до сих пор не верю, что так вышло.

Он уже говорил не с Савой, а сам с собой – многое ли может понять ребёнок, если дело касается таких важных для колдунов вещей?

– Так что, Савушка, – произнесла Бойя назидательно, – ты сбегать не думай. Йовар Ольжану упустил, а других уже не упустит. Ты наелся, солнце?

Сава послушно закивал.

– Вот и славно. Устал, наверное? Ещё бы, столько случилось за день... Хватит с тебя. Юрген, отведи его отдохнуть.

Юрген дождался, пока Сава спрыгнет с лавки и возьмёт куль с одеждой, и провёл его по коридорам к одной из комнат, где жили младшие. Сейчас там было пусто. Юрген с Савой быстро приготовили тому место для сна. Разморённый и наевшийся, наслушавшийся разных историй, неизвестно сколько блуждавший по лесу, мальчишка уже дремал на ходу.

– А если хозяин воротится, – спросил Сава, зевая, – разбудишь?

– Разбужу, – пообещал Юрген. – Но ты его пока не жди. Йовар ушёл далеко в лес – вернётся через несколько дней.

Сава кивнул, шлёпнулся на кровать и зарылся носом в подушку. Юрген прикрыл ставни, через которые в комнатку бился вечерний свет.

– А он точно меня не покалечит?

– Ну что ты. – Юрген развернулся. – Йовар не калечит тех, кто пришёл у него учиться.

Нет, было однажды – помнишь?

Ещё бы. Кому помнить, как не ему?

Юрген посмотрел на закрытые ставни. Перевёл взгляд на ребёнка.

– С тобой-то уж точно ничего не случится, – произнёс он уверенно. – Не беспокойся.

* * *

Весна в этом году пришла поздно, хотя будь на то воля Юргена, она вообще бы не приходила.

В Борожском господарстве, а уж особенно в Чернолесье, зимы были долгими и суровыми, но Юрген всё равно их любил. Зима – время, когда люди объединялись, чтобы совладать с природой. Господари не начинали войн, а соседи-крестьяне старались не ссориться друг с другом. Ученики Йовара держались вместе – тишь да гладь, будто весь свет впадал в затяжную спячку, и не было никаких дел, кроме мирного хозяйства и колдовства.

Зима-зима... Снега выпадало по пояс, и весь лес был бел

и пушист. Вот вернёшься в терем, сам похожий на исполинский сугроб, скинешь шубу и пойдёшь в кухню – а там уже битком народа. Все тянутся к обычному человеческому огню: можно было, конечно, разводить чародейские костры, но Йовар считал колдовство тончайшим из ремёсел и редко позволял прибегать к нему в быту. У колдовства всегда есть цена, говорил он. И повторял с ворчанием старика, что чары не берутся из ниоткуда – это силы, ум и здоровье чаротворца. «Если спросить у художника, как пройти в лавку, разве он начнёт писать картину в ответ? А станет ли танцовщица прыгать и кружиться вместо того, чтобы просто пересечь комнату и взять чашу с водой?...»

Чем старше и сильнее становились ученики, тем больше Йовар им позволял – уже не так боялся, что чары выпьют их досуха. Однако множество хозяйственных дел Юрген делал руками, а не колдовством. Поэтому зимними вечерами он возвращался – как услужливо поясняла Ольжана – усталым как собака. Сколько раз он так садился у печи среди других учеников Йовара, ставших ему родными? Помнил как сейчас: кухонные окна – в морозных узорах, через которые пробивался лунный свет. Ольжана беседовала с младшими, собравшимися вокруг неё, и ткала новое заклинание – в эти моменты она выглядела как обыкновенная деревенская девушка за шитьём. Бойя грелась между котлов с зельями, лениво перелистывая страницы книг. Якоб врывался в кухню с разудалым грохотом, всегда забывая закрывать за собой

дверь, — за ним тянулся холод, а с его одежды сыпался снег. Иногда он наступал на Чарну, свернувшуюся под скамьёй чёрной кошкой, и та свирепо шипела на него в ответ. В те зимы, о которых думал Юрген, Чарна только перешла из младших учеников в старшие и ещё свыкалась со своей оборотничьей формой. Вот и проводила в ней много времени.

Порой к ним заглядывал Хранко. Это было невиданное событие: обычно он коротал дни в своей деревянной, пристроенной к терему башне в окружении рукописей и ручных воронов. Он выглядел чужеродно в шуме и жаре кухни. Морщил горбатый нос, устраивался рядом с Якобом, который чуть не сбивал его кувшином с сидром, и косился на хохочущих Бойю, Юргена и Ольжану — Юрген догадывался, что Хранко и приходил-то к ним только ради Бойи. Как бы там ни было, он не ворчал и не цедил яд, а степенно выдерживал их трескотню.

Да уж, зима — славное время.

А вот весной начинались раздоры.

— О чём задумался, господин колдун?

Юрген поднял глаза. Сава ковырял землю длинной веткой.

— Поднатужься вспомнить моё имя, — посоветовал он.

— Юрген. — Сава улыбнулся хитроватой улыбкой. К новому дому он привыкал быстро. — Звучит странно.

— Это из древней льёттской песни. — Чернолесье находилось на самой границе Вольных господарств. Севернее —

только морской пролив и каменистые острова льёттов. — Оконунге Юргене, которого в младенчестве нашла семья простого рыбака.

Тут же подумал, что это прозвучало вычурно, и смутился. Но Сава только задумчиво наморщил нос.

— Кто же тебя так назвал? Главный колдун?

— Нет. — Юрген улыбнулся уголком губ. Едва ли Йовара можно назвать ценителем песен. — Давным-давно у Йовара был ученик, Чеслав. Очень одарённый.

— Он сейчас здесь?

— Ну сказал же — был. — Юрген обвёл двор страдальческим взглядом. Небо подёрнули первые тени сумерек, а с востока тянулись тучи. — Он уже много лет как не здесь.

Если Саве и было дело до бывших учеников Йовара, то только по одной причине.

— А в кого он обращался? — спросил будто бы ненароком, поддевая носком ком земли.

Младшие всегда с жаром визнавали об оборотничьих формах — не успевали попасть к Йовару, как уже размышляли, в кого могли бы перекинуться.

— В волка. Серого. — Юрген перехватил тяжёлую палку. Посмеиваясь, он уселся на заднее крыльцо и достал из-за пазухи нож. — Что, впечатлился?

Глаза Савы блеснули — он подался вперёд и плюхнулся на крыльцо рядом с Юргеном.

— О. — Выдохнул. — Я тоже хочу превращаться в волка!

Ещё бы. Никто не хотел становиться щукой или жуком-оленом, и Юрген не мог их за это винить.

— Всякое может случиться, — сказал он осторожно, принимаясь вытёсывать кол. — Но знай, что обычно так не бывает. Не припомню, чтобы в Вольных господарствах, а уж тем более — при одном дворе, появлялись чародеи, которые превращались бы в одних и тех же животных.

— А я другим волком буду. — Сава хмыкнул. — Чёрным как ночь.

Юрген приподнял брови.

— Ты же рыжий.

— О-ой, скажешь тоже. — Сава скривился. — Сам-то вон какой белобрысый! А превращаешься в чёрного пса.

Юрген был вынужден согласиться.

— Но рыжий — цвет поприметнее, — развёл руками. — Вдруг на тебе отразится? Ольжана была рыжей и перекидывалась в малиновку с рыжей грудкой. Ещё у нас есть Грынъ, он немногим старше тебя и недавно впервые обратился в дятла с красным лбом. — Юрген повертел в руках нож. — Слушай, а если ты обернёшься красноголовым шакалом... Это довольно близко. Как тебе?

— Фу, — обронил Сава. — Не хочу в шакала.

Юрген спрятал улыбку в сгибе локтя. Конечно, мальчик бы не обратился в шакала — в их землях они водились разве что в сказках, пришедших из южных господарств.

— Воля твоя, — сказал он примирительно. — Дождись Йова-

ра – может, он сразу догадается, кем ты обернёшься. У него глаз намётан.

Сава лениво помахал веткой – не расставался с ней с тех пор, как они с Юргеном вернулись из леса.

– А если я превращусь в жабу? – спросил он печально. – Я не хочу быть жабой. Или в свинью? Что может быть хуже того, чтобы превращаться в свинью?

– Справедливости ради – дикий свин у нас тоже уже есть. – Юрген указал на забор. – Видишь? Его работа.

Терем окружал высокий частокол – Юрген как раз решил заменить одни покосившиеся колья другими, крепкими. К задним воротам был прибит звериный череп.

– Якоб добыл, – кивнул Юрген.

Сава уже крутился у черепа, пока Юрген разбирал притащенную из леса вязанку. Разглядывал внимательно, подлезал с одной стороны и с другой – но ни о чём не спрашивал. Сава привык к Юргену за пару дней и уже совершенно его не боялся – но, видно, жизнь приучила его не задавать вопросов не к месту. Даже ребёнок бы понял, что этот череп принадлежал не простому животному.

Но раз Юрген заговорил сам, то грех не вызнать.

Сава сузил глаза.

– Чей это череп? – спросил он беспечно. – Медвежий?

– Если бы Якоб убил медведя, ты бы сейчас смотрел на череп Якоба. – Юрген приподнял палец. – Это ужасное оскорбление для колдуна – причинить вред животному, в которое

он перекидывается.

О духи, подумал Юрген отвлечённо. Как он говорит! Может, поэтому Бойя и считает его занудой?..

— Это пушечик, — продолжил рассказывать, снимая стружку с кола. — Нечисть из чащ. У него змеиный язык и волчьи лапы, а челюсть как у медведя. Видишь, вон там? Были рожки, как у козла, только Якоб их обломал. В одно лето этот пушечик слишком расшалился, и...

С неба спикировал ворон. Перекувыркнулся в воздухе и ударился оземь, расправив бархатные паслёновые крылья.

Зашелестела трава. Затянул лёгкий ветерок, уже пахнувший дождём.

Колдун шагнул, приземлившись точно на ноги в начищенных сапожках. Он вывернулся с изяществом существа, отдавшего полёту половину своей человеческой жизни. Оправил ворот рубахи, откинул с лица упавшую прядь. Волосы его были черны — чуть вились у концов, обрезанные по край чёткой, будто из камня высеченной нижней челюсти.

Хранко сощурился. Смерил взглядом Сава — изумлённо застывшего. Перевёл глаза на Юргена — невозмутимо скребущего ножом.

— О, — обронил сухо. — Нянчишься?

И скривил губы.

Сава подобрался и затих, как готовый к прыжку кот.

— Вроде того, — ответил Юрген простодушно. — Знакомься, это Сава. Сава, это Хранко — мы про него говорили.

Лицо у Хранко было такое, что молоко бы скисло.

– Надо же. – Хмыкнул. – Ну и что ты про меня рассказывал?

Сава неуютно заёрзал на месте.

– Что у тебя удивительный дар не нравиться людям с первого взгляда. – Юрген легонько толкнул мальчишку в бок: – Расслабься, он тебя не тронет.

Начал капать дождь. Хранко подставил ладонь под первые капли – помедлил, посмотрел на тучи.

– Ты знаешь, когда вернётся Йовар?

– Обещал к полнолунию. – Юрген попробовал пальцем остроту кола. – Значит, завтра.

Хранко ненавидел признаваться, что знает меньше, чем другие. Особенно о Йоваре. А сейчас он прилетел, чтобы спросить об этом Юргена, и выдал себя с головой: мол, да, учитель не посвятил меня в свои дела.

Поэтому Юрген насторожился.

– Что случилось?

Хранко тряхнул головой и вмиг показался Юргену совсем растерянным – ничего общего с колдуном, только что метавшим презрительные взгляды.

– Не знаю, – сказал так тихо, что Юрген едва разобрал. – Птицы принесли странные вести с юга.

Юрген отложил кол. Дождь усилился, а вдалеке ухнул гром. Сава шмыгнул под резную крышу крыльца – от греха подальше и подальше от недружелюбных колдунов.

– Ну и чего ты там стоишь? – Юрген насупил брови, поднялся. – Иди сюда, а то промокнешь. Сава, будь добр, подвинься.

Мальчишка попятился назад, к стене. А Юрген, затащив Хранко под крышу, принялся расспрашивать – что, мол, за вести? Хранко часто отпускал своих воронов летать над господарствами. Когда те возвращались, он выуживал картины происходящего со дна их глаз – это было сложное, непонятное и не подходящее Юргену колдовство, вызывавшее у него одно лишь восхищение.

Хранко неодобрительно посмотрел на Саву. Скрестил руки на груди, а потом задумчиво провёл по губам костяшками пальцев.

– Под Стоегостом объявилась какая-то тварь, – сказал он наконец. – Чудовище.

Юрген присвистнул.

– У госпожи Кажимеры новый сосед?

– Очень смешно.

– Брось. Не нас уж пугать чудовищами. – Юрген указал на лес. – У самих такого добра навалом. Тем более та тварь далеко на юге.

Хранко ужалил его взглядом.

– Я не чудовища боюсь, Юрген.

– А чего тогда? – Пожал плечами. – Если чудище завелось под носом госпожи Кажимеры, она быстро с ним справится. Раздался невесёлый вороний смешок.

– Ну пока вот не справилась.

– Что ж, – Юрген опёрся о перила, – если госпожа Кажимера окажется бессильна, то так и быть, пусть просит помощи у нас. Не оставлять же стоегостцев на растерзание.

Хранко посмотрел на него как на умалишённого.

– Она – и попросит помощи? У нас? Ты рехнулся?

– А что? Спокойствие своего господарства важнее. – Юрген постучал по перилам. – Что это за тварь? Откуда она?

Хранко поджал губы.

– Ох, – Юрген скривился, – ладно. Не хочешь – не говори.

Хранко любил докладывать Йовару обо всём первым, и Юрген даже не спорил – его право.

– Мне отыскать Йовара?

– Нет. – Хранко угрюмо смотрел на небо, затянутое тучами. – Если завтра не вернётся, я сам пошлю ворона.

Сава прильнул к двери, и Юрген успокаивающе потрепал его по голове.

– Не понимаю, чего ты так распереживался, – признался он. – Далось тебе какое-то южное страшилище.

По бледному, тонкоскулому лицу Хранко скользнула тень. Черты исказились, лоб пересекла складка, точно Хранко никак не мог решить, продолжать ли отмалчиваться или всё-таки разделить с Юргеном тревогу.

Хранко берёг свои тайны, однако прожил с Юргеном бок о бок семнадцать лет – достаточный срок, чтобы увидеть в Юргене не только соперника, но и брата.

– Мне... – он замялся, перекатился с пятки на носок, – показалось, что это чудище рукотворное.

Юрген нахмурился.

– Кто-то из учениц Кажимеры случайно сотворил чудовище?

– Такое случайно не сотворишь.

– Не понимаю. – Юрген затряс головой. – Сама госпожа Кажимера постаралась?

– Довольно. – Хранко стиснул виски. – Слушай, мне никто ничего не рассказывает, ясно? Мои вороны видели чудовище, и оно явно оказалось в Стоегосте не просто так. Остальное я передам Йовару, не тебе.

Юрген кивнул.

– Да пожалуйста. – И перевёл взгляд на Саву. – Эй. С тобой всё хорошо?

Мальчик смотрел испуганно, исподлобья.

– Всё хорошо, – передразнил Хранко. – Нашёл когда спрашивать о чудовищах – при ребёнке. Раз записался в няньки, веди себя соответствующе.

Юрген рос среди лесных чудищ разных мастей – от маленьких и безвредных, прячущихся по кустам, до грозных, увлекающих путников во тьму духмяной чащи. Едва выбравшись из пелёнок, он уже знал их повадки и играючи находил их следы, поэтому никогда не боялся. Только опасался, как опытный охотник – дикого зверья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.